

Ушаков Дмитрий Николаевич

Русское правописание

**Очерк его происхождения,
отношения его к языку и
вопроса о его реформе**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Николаевич У.**
Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе / Ушаков Дмитрий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 104 с.

ISBN 978-5-519-78550-1

Переработано из летних лекций 1911 г. при педагогических курсах Московского общества воспитателей и учительниц

ISBN 978-5-519-78550-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ГЛАВА I.

Письмо и правописаніе.

Мы пишемъ для того, чтобъ передать свои мысли въ тѣхъ случаяхъ, когда это невозможно сдѣлать устной рѣчью. Казалось бы по-
тому, что самымъ лучшимъ письмомъ было бы такое, которое прямо
передавало бы самыя мысли, являлось бы картинкой тѣхъ предме-
товъ, о которыхъ мы думаемъ. Дѣйствительно, такъ и возникало
искусство письма: на зарѣ этого искусства человѣкъ старался идти
прямо такимъ прямымъ путемъ; первобытное письмо *картинное*
(пиктографіи). Въ трудахъ по исторіи культуры ¹⁾ можно встрѣтить
различныя пиктографіи — прошеніе, поданное президенту Сѣверо-
американскихъ Соединенныхъ Штатовъ индѣйскими племенами; это —
сухопутъ, на которомъ эти племена изображены въ видѣ рыбы, жу-
кы, медвѣдя и др. животныхъ, именами которыхъ племена назы-
вались и отъ которыхъ вели свое баснословное происхожденіе; сердце
племени всѣхъ ихъ соединены линіями, что должно обозначать едине-
ніе ихъ просьбы, а предметъ просьбы — нѣсколько озеръ изобра-
жены тутъ же, и къ этому изображенію проведена также линія.
Въ понятіи, подобное «письмо» представляетъ большія трудности
для читателя, такъ какъ предоставляетъ догадываться, въ какія от-
ношенія поставить въ мысли изображенные предметы. Мысленно
это не такъ просто, предметами мысли являются у насъ не только
представленія видимыхъ предметовъ, и все, что поотвлеченнѣе, не
можетъ быть передано такъ непосредственно, а требуетъ условности.
Понятно, поэтому, почему пиктографія нигдѣ не вылилась въ си-
стему безъ утраты своей непосредственности. Этотъ «прямой» путь
казался неудобнымъ для тѣхъ цѣлей, которымъ служить письмо
культурныхъ народовъ. Однако достоинство пиктографическаго
знака, передающаго мысль сразу, несомнѣнно, и потому знаки пикто-
графическаго характера мы можемъ встрѣтить и при существованіи
иной системы письма, разумѣется, въ очень ограниченной сферѣ
потребленія. Такъ, знакомъ Δ въ геометріи мы замѣняемъ слово

¹⁾ Напр., въ Исторіи культуры Линнхерта, Сиб., 1894, стр. 283.

треугольникъ, знаками ☉ ☾ въ календарѣ обозначасмъ первую четверть луны, полнолуніе, знакомъ ☼ жѣлаемъ обратить вниманіе читателей, напр., на объявленіе въ газетѣ, или указывасмъ на плакатѣ, сюда же относятся таблички съ изображеніями топора, ведра, лѣстницы и т. п. на избахъ въ нашихъ деревняхъ для указа того, съ чѣмъ хозяинъ данной избы долженъ являться на пожаръ.

Подобно пиктографіи прямо передаетъ предметы мысли и *идеографія*, но здѣсь для изображенія предметовъ употребляются уже картинки ихъ, а условныя знаки. Идеографическое письмо мы встречаемъ у древнихъ египтянъ (іероглифы), теперь у китайцевъ. Достоинствомъ такого письма является то, что его до известной степени можно читать, не зная языка писавшаго; такъ, говорятъ, тайскія письма читаютъ и японцы и корейцы каждый на своемъ языкѣ. Но идеографія представляетъ громадное неудобство тѣмъ, что она чрезвычайно трудна для усвоенія: китайскому письму, въ которомъ до сорока тысячъ знаковъ, почти невозможно выучиться вполне. Понятно, что идеографическое письмо не получило широкаго распространенія, разъ явилось болѣе удобное для усвоенія письмо. Но, подобно пиктографическимъ, мы охотно прибѣгаемъ, гдѣ это возможно, и къ идеографическимъ знакамъ. Таковы всѣ наши цифры, такъ же какъ знаки $<$ $>$ (меньше и больше), $\%$, $\sqrt{25}$, $2 \times 2 = 4$, K° , стрѣлки $\leftarrow$ $\rightarrow$ въ желѣзнодорожныхъ указателяхъ, означающія приходъ и отходъ поѣздовъ, наконецъ, сокращенія: т.-е., и т. д., Мм. Гг. (милостивые государи) и другія. Вотъ примѣры соединенія пиктографіи съ идеографіей: А. П. Чеховъ † 2/VI 1904, $\triangle ABC > \triangle DEF$ и т. п.

Намъ не важно въ данномъ случаѣ, какъ человѣчество дошло до болѣе удобной системы письма. Болѣе удобнымъ путемъ передачи мыслей оказался путь обходной: вмѣсто того, чтобы изображать самый предметъ, прибѣгли къ посредству языка и стали передавать на письмѣ названіе предмета, обозначая отдѣльными знаками (буквами) звуки, изъ которыхъ это слово состоитъ. Такое письмо называется *звуковымъ* въ широкомъ смыслѣ слова, подъ которымъ понимается и письмо «слоговое», въ которомъ отдѣльная буква (одна или съ какимъ-либо значкомъ) передаетъ цѣлый слогъ, и письмо «звуковое» въ узкомъ смыслѣ, въ которомъ отдѣльная буква назначена для передачи отдѣльнаго звука. Вторая разновидность звукового письма существуетъ у громаднаго большинства пишущихъ народовъ и обыкновенно представляется намъ единственно возможнымъ письмомъ. Безспорное удобство звукового письма заключается въ легкости его усвоенія, такъ какъ для того, чтобы писать, нужно запомнить сравнительно небольшое количество знаковъ (буквъ). Трудно было только дойти до такой системы, потому что предварительно нужно было замѣтить, что слова расчленяются на слоги и звуки.

Итакъ, звуковымъ, въ отличіе отъ другихъ системъ, мы называемъ

есть такое письмо, которое основано на передачѣ буквами звуковъ, различно, точна или неточна эта передача. Если же обратить вниманіе на степень точности, то ни въ одномъ извѣстномъ намъ звуковомъ письмѣ полной точности нѣтъ. Можно думать, что въ моментъ возникновенія звуковое письмо бываетъ наиболѣе точнымъ (идеальной точности никогда не можетъ быть). Любое извѣстное намъ звуковое письмо пережило долговременную исторію, въ теченіе которой разными путями появлялись и подъ вліяніемъ различныхъ причинъ удерживались неточности, и всюду, какъ и въ русскомъ письмѣ, мы найдемъ, что одна и та же буква не всегда означаетъ одинъ и тотъ же звукъ и что одинъ и тотъ же звукъ въ разныхъ случаяхъ можетъ выражаться не одной и той же буквой. Только съ точки зрѣнія соблюденія всѣхъ усвоенныхъ приемовъ письма, изъ которыхъ многіе не могутъ быть проверены на слухъ, можно говорить о «правильномъ» или «неправильномъ» письмѣ, — является понятіе «правописанія», или «орфографіи». Имѣя въ виду основной принципъ звукового письма, можно сказать, что усвоеніе звукового письма легко (легче идеографическаго), такъ какъ нужно усвоить небольшое количество знаковъ; имѣя же въ виду любое правописаніе, мы не скажемъ, что достаточно усвоить буквы, чтобы писать правильно.

Вмѣсто термина «точный звуковой» въ отличіе отъ просто «звуковой» мы обыкновенно во избѣжаніе недоразумѣнія употребляемъ терминъ «фонетическій» и говоримъ: фонетическое письмо, фонетическое правописаніе, фонетическая запись и т. п., когда хотимъ обозначить письмо съ точной передачей звуковъ въ отличіе отъ письма обычнаго, неточнаго, хотя само слово «фонетическій» собственно значить то же, что русское «звуковой».

ГЛАВА II.

Фонетическая транскрипція и обычное письмо.

Отсутствіе точности въ передачѣ буквами звуковъ въ обычномъ письмѣ вовсе не является безусловнымъ недостаткомъ, такъ какъ для практическихъ цѣлей, которымъ служитъ письмо, точность вовсе не обязательна; наоборотъ, неточное звуковое письмо можетъ быть проще и легче. Пользуясь мѣткими выраженіями ученыхъ, высказывавшихся о правописаніи, можно сказать, что «цѣль правописанія—ясное начертаніе образованнаго языка простѣйшими средствами» (Раумеръ); поэтому практическое письмо является «общедоступной передачей звуковъ» (Коринъ) и «относится къ рѣчи, какъ грубый эскизъ къ тщательно нарисованной картинѣ» (Пауль); «какъ устная рѣчь символически изображаетъ мысли, такъ письмо символически устную рѣчь» (Томсонъ).

Но несмотря на то, что любое известное намъ практическое письмо обходится безъ точности, можетъ быть все-таки точность въ немъ возможна и желательна? Нѣтъ, точное звуковое письмо, фонетическое, не можетъ быть общедоступнымъ, а потому нежелательно. Чтобы убѣдиться въ сложности фонетическаго письма, необходимы наглядные примѣры. Намъ не придется фантазировать, стоитъ только обратиться къ тѣмъ случаямъ, когда по необходимости приходится заботиться о точной передачѣ звуковъ. Къ ней мы прибѣгаемъ въ наукѣ о языкѣ (языковѣдніе), когда изучаемъ самые звуки. Для точной передачи звуковъ не годится ни одна изъ существующихъ азбукъ: въ каждой не хватитъ буквъ и окажутся лишнія. Поэтому, если мы прибѣгнемъ въ цѣляхъ точной передачи русскаго произношенія, мѣстнаго или литературнаго, къ русской азбукѣ, то намъ придется часть буквъ выбросить, а съ другой стороны, или придумать новыя или старыя снабдить разными различительными знаками. За такимъ искусственнымъ письмомъ, употребляемымъ въ научныхъ цѣляхъ, утвердилось названіе *фонетической транскрипціи*.

Напримѣръ, мы знаемъ, что въ различныхъ русскіихъ говорахъ звукъ е, напр., въ словѣ село, произносятся различно; въ практическомъ письмѣ представители всѣхъ различныхъ мѣстныхъ произношеній могутъ писать одинаково село; но въ *диалектологіи* (изученіе пародныхъ говоровъ), гдѣ именно эти звуковыя различія и изучаются, мы по необходимости должны писать село, сѣло (сѣверновеликорусскіе говоры), сяло, сило (южновеликорусскіе), а если въ какомъ-нибудь говорѣ произносятся не е и не и, а звукъ на слухъ средній между ними, мы прибѣгнемъ къ условному обозначенію въ родѣ с'с'ло или с'ило. Подобнымъ образомъ написаніе вода въ диалектологическомъ сочиненіи обозначаетъ произношеніе этого слова со звукомъ о (въ «окающихъ» сѣверновеликорусскихъ говорахъ), а литературное произношеніе со звукомъ а, которое слышится также и въ говорахъ («акающихъ» южновеликорусскихъ) мы передадимъ написаніемъ вада; для известныхъ говоровъ намъ потребуется выда, потребуются и условные знаки, если въ говорѣ окажется здѣсь не ы, а звукъ, хотя и близкій къ нему, но не тождественный съ нимъ.

Точно такъ же, изучая литературное произношеніе, мы открываемъ въ немъ чрезвычайное разнообразіе звуковъ, котораго и не подозревали и котораго не передашь обычнымъ письмомъ.

Эти различія, существующія въ языкѣ, игнорируются вами, когда мы слушаемъ чужую рѣчь съ цѣлью усвоить ея содержаніе, и нивелируются въ обычномъ письмѣ. Въ фонетической же транскрипціи, которая и примѣняется съ цѣлью передать эти различія, какаго-либо звука долженъ имѣть особое обозначеніе. Необходимость въ транскрипціи съ очевидностью выяснится изъ чтенія слѣдующихъ главъ. Мало того, въ слѣдующихъ главахъ мнѣ придется къ ней

прибѣгать, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно будетъ показать произношеніе, не совпадающее съ правописаніемъ. при чемъ, смотря по надобности, я буду писать слово фонетически или цѣликомъ или же по отношенію только къ тому звуку, о которомъ будетъ идти рѣчь.

Понятно, что и фонетическая транскрипція можетъ быть разной степени точности.

Въ приложеніи I-мъ я даю образчики фонетической транскрипціи визной рѣчи въ произношеніяхъ: мѣствомъ и литературномъ.

ГЛАВА III.

Понятіе о фізіологіи звуковъ рѣчи.

Такъ какъ въ школѣ говорятъ о звукахъ только затѣмъ, чтобы потомъ выучить правильно писать, то само собою главное вниманіе обращается на буквы, а не на звуки, и намъ на первыхъ порахъ очень трудно отрѣшиться отъ буквъ и услышать въ языкѣ то, чего мы не видимъ на письмѣ. Не такъ трудно, впрочемъ, замѣтить, что ѣ не обозначаетъ особаго звука, что нѣтъ разницы въ произношеніи е и ѣ, и и і, ф и ѳ,—нетрудно, словомъ, замѣтить лишнія буквы: но гораздо труднѣе убѣдиться, что звуковъ въ нашей рѣчи гораздо больше, чѣмъ буквъ въ азбукѣ. Выраженіе «каждый звукъ» употреблено мною въ предшествующей главѣ, конечно, не только въ смыслѣ звука, имѣющаго соотвѣтственную букву въ азбукѣ, а звука, въ дѣйствительности существующаго въ нашей рѣчи.

Какіе же звуки существуютъ въ нашей рѣчи? Этимъ вопросомъ занимается наука языковѣдѣніе въ томъ отдѣлѣ, который называется *фонетикой* (ученіе о звукахъ), и ставитъ этотъ вопросъ примѣнительно къ тому или другому данному языку определенной эпохи, такъ какъ звуки мѣняются въ языкѣ съ теченіемъ времени. Фонетика опиравается на другую науку, *фізіологію звуковъ рѣчи*, рассматривающую, какіе органы рѣчи (гортань, языкъ, небо, зубы, губы) какую именно работу производятъ для образованія того или иного звука. Открывается безконечное разнообразіе комбинацій, въ которыхъ приходятъ органы рѣчи, и, слѣдовательно, безконечное разнообразіе звуковъ, возможныхъ въ человѣческой рѣчи. Не всѣ различія уловимы человѣческимъ ухомъ. Изучаются звуки и съ акустической (на слухъ) и съ фізіологической стороны (по образованію), между прочимъ, и при помощи специальныхъ инструментовъ. Фонетика опредѣляетъ, какіе изъ возможныхъ въ человѣческой рѣчи звуковъ существуютъ (или существовали—если изученіе касается прошлаго) въ данномъ языкѣ. Это детальное изученіе звуковъ человѣческой рѣчи или звуковъ того или иного языка имѣетъ цѣну для тѣхъ

научныхъ выводовъ, которые языковѣдѣніе дѣлаетъ о томъ, какъ живетъ, развивается человѣческій языкъ. Понятно, что съ точки зрѣнія этой науки, изучающей ту духовную дѣятельность человѣка, которая называется языкомъ, правописаніе совершенно безразлично; оно — костюмъ, въ которомъ случайно является данный языкъ въ данную эпоху; языковѣду, если онъ изучаетъ языкъ по письменнымъ памятникамъ, всегда предварительная работа — опредѣлить, какіе живые звуки скрываются за мертвымъ письмомъ, а мы знаемъ, что всякое правописаніе условно, неточно.

Изъ физиологіи звуковъ рѣчи мы узнаёмъ, что всѣ звуки рѣчи образуются *шумомъ*: или отъ *трѣнія* воздуха, выдыхаемаго нами и проходящаго по щели, которая получается при *сближеніи* органовъ (наприм., языка и неба, губъ и проч.), или отъ *разрыва* воздухомъ полного *смыканія* тѣхъ же органовъ. Къ этому шуму того и другого происхожденія, можетъ присоединяться еще и *дрожаніе*, т. е. звукъ, происходящій отъ дрожанія голосовыхъ связокъ въ гортани, при чемъ въ однихъ звукахъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ, въ другихъ шумъ преобладаетъ надъ голосомъ, третьи состоятъ изъ одного только шума, безъ голоса. Различія въ звукахъ зависятъ еще отъ ширины щели между образующими органами (въ этомъ различіе — съ физиологической стороны не существенное, съ акустической болѣе значительное — такъ называемыхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ), отъ мѣста, гдѣ образуются щель или смыканіе органовъ, отъ напряженнаго или ненапряженнаго состоянія языка и другихъ условій.

Тѣ звуки, которые мы называемъ *гласными*, всѣ образуются болѣе или менѣе сближеніемъ языка съ небомъ, при чемъ наиболѣе узкая щель, получающаяся при гласныхъ, шире тѣхъ щелей, которыя получаютъ при образованіи согласныхъ. По *степени* поднятія языка къ небу мы различаемъ гласные верхняго, средняго и нижняго образованія, по *мѣсту* поднятія — гласные передняго, средняго и задняго ряда (языкъ поднимается къ переднему, или къ среднему, или къ заднему небу); но этимъ числомъ, девятью, не исчерпываются всѣ возможныя комбинаціи органовъ рѣчи для образованія гласныхъ; оно должно быть учетверено, такъ какъ, во-первыхъ, въ каждомъ изъ указанныхъ положеній языкъ можетъ находиться въ напряженномъ и ненапряженномъ состояніи, и гласные звуки могутъ быть *напряженными* и *ненапряженными*, — а во-вторыхъ, всѣ гласные могутъ произноситься или съ вытнутыми впередъ округленными губами или безъ этого (гласные *лабиализованные* и *нелабиализованные*). Въ дѣйствительности и этими 36-ю типами не ограничиваются гласные звуки; понятія: «переднее», «среднее», «заднее» небо, «верхнее», «среднее», «нижнее» образованіе — понятія условныя; степень лабиализаціи и напряженія можетъ быть различна; стало быть, въ дѣйствительности существуетъ кромѣ указанныхъ

ще и промежуточные типы. Все это условія, отъ которыхъ зависитъ *качество* гласныхъ (т.-е. то, что одинъ звукъ будетъ а, другой э, третій и и т. д.); но, кромѣ качества, звуки, и въ томъ числѣ гласные, могутъ быть различнаго *количества* (долгіе, краткіе, очень краткіе), различной *высоты*, или тона, могутъ произноситься съ различной *силой* выдыханія (на этомъ основаніи рядъ звуковъ деленіяется на такъ называемые слоги) и съ различной полнотой *звуча* (въ русскомъ языкѣ очень распространены гласные «полуглуые», т.-е. съ неполнымъ образованіемъ голоса).

Согласные различаются по мѣсту образованія, т.-е. по тому, гдѣ образуется или щель или смыканіе органовъ, и могутъ быть *передне-небными*, *средне-небными*, *зубными*, *зубно-зубными*, *зубными* и др., и въ каждомъ изъ этихъ классовъ — или *фрикативными* (образуемыми треніемъ въ щели; отъ латинскаго слова, означающаго «стереть») или *взрывными* (образуемыми разрывомъ смыканія), а тѣ и другіе, въ свою очередь — или *глухими*, если образуются безъ голоса, или *звонкими*, если образуются съ голосомъ. Среди согласныхъ, образуемыхъ съ голосомъ, есть такіе, въ которыхъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ; они называются *сопориными*; фیزیологически они близки къ гласнымъ. Есть согласные *слипные*, происшедшіе отъ сліянія въ одинъ новый звукъ двухъ: одного — взрывнаго и другого — фрикативнаго; таковы, напр., ц изъ т | с, ч изъ т | ш и др.

Эти краткія свѣдѣнія изъ фیزیологіи звуковъ рѣчи я привелъ для того, чтобы было на что опираться, когда ниже придется говорить о живыхъ звукахъ русскаго языка. Замѣчу, что въ нашу задачу не входитъ полнѣйшій, исчерпывающій обзоръ звуковаго состава русскаго языка, и я ограничусь самымъ необходимымъ.

ГЛАВА IV.

Отношеніе русскаго правописанія къ русскому языку.

Раземотримъ теперь, какіе звуки русскаго языка соотвѣтствуютъ тѣмъ или инымъ буквамъ на письмѣ. При этомъ подъ русскимъ языкомъ мы будемъ понимать только русскій литературный языкъ, прѣимѣнительно къ которому и существуетъ (но не возникало) наше обычное письмо, а литературное произношеніе по происхожденію своему основано на московскомъ говорѣ.

Естественно говорить сначала о гласныхъ, затѣмъ о согласныхъ; но нѣкоторыя явленія нашего правописанія гласныхъ буквъ объясняются только въ связи съ извѣстными свойствами согласныхъ звуковъ, а потому мнѣ придется по необходимости нарушать въ изложеніи этотъ порядокъ.

§ 1. **Гласные звуки.** Представимъ себѣ при помощи таблицы главнѣйшіе типы гласныхъ звуковъ человѣческой рѣчи, пока безъ различій въ напряженіи; *часть* русскихъ гласныхъ звуковъ распадется въ ней слѣдующимъ образомъ:

	Передніе.	Средніе.	Задніе.
Лабіализованные.	и	ы	Верхи.
	э		Среди.
			а Нижн.
Нелабализованные.			у Верхи.
			о Среди.
			Нижн.

Чтобъ обозначить звуки, мы прибѣгли къ буквамъ обычнаго русскаго письма. Не думаю, чтобъ возникло сомнѣніе, о какихъ звукахъ здѣсь идетъ рѣчь; но въ виду того, что говорилось уже и ниже будетъ еще говоритья о неточности въ соотвѣствіи буквъ звукамъ, слѣдуетъ сказать, что здѣсь, конечно, приведены тѣ звуки, которые представляются *намъ*, при первомъ взглядѣ на эти буквы, если мы видимъ ихъ отдѣльно. Такъ же произносятся эти *звуки* и въ словѣ, если стоять въ слогѣ подъ удареніемъ. Если мы захотимъ говорить о *буквахъ* и, э, ы, а, у, о, то онѣ являются, стаивать, въ этомъ звуковомъ значеніи только въ ударяемыхъ слогахъ (буква и, впрочемъ, не всегда, см. § 21).

Итакъ, у насъ есть въ числѣ гласныхъ звуковъ передніе лабализованные: и—верхняго и э—средняго образованія, средній нелабализованный верхняго образованія ы, задній нелабализованный нижн. образ. а, задніе лабализованные: у—верхняго и о—средняго образованія.

§ 2. **Напряженные и ненапряженные отгѣнки гласныхъ звуковъ.** Всѣ эти звуки бываютъ, въ зависимости отъ разныхъ условій, и напряженными и ненапряженными; другими словами, въ действительности, въ языкѣ имѣется по двѣ разновидности каждой изъ этихъ звуковъ, которыя мы обыкновенно не различаемъ и

жи, если не обратимъ на это спеціальнаго вниманія, и не отмѣсимъ на письмѣ (во французскомъ правописаніи различаются напряженное, такъ называемое закрытое *é* и *è* открытое ненапряженное). Въ русскомъ языкѣ *э* напряженно передъ слѣдующей мягкой согласной, напр., въ *эти*, гдѣ *т* мягко, и ненапряженно передъ твердой, напр., въ *эта*. Произноси вѣсколько разъ попеременно *эта, эти*. Можно приучиться ухомъ различать два оттѣнка звука *э* и почувствовать напряженіе въ языкѣ при произнесеніи одного изъ нихъ. Тѣ же оттѣнки въ другихъ звукахъ подмѣтить гораздо труднѣе: *и, ы, у* напряжены, когда на нихъ удареніе, а *и о*, повидимому, тогда, когда они стоятъ передъ или послѣ *л* твердаго (напр. *а и о* въ *сталь, столъ* отличаются отъ тѣхъ же звуковъ въ *стантъ, стонъ* напряженіемъ). Такимъ образомъ, изъ шести буквъ: *а, у, о, и, э, ы* каждая обозначаетъ по два оттѣнка звука; собственно говоря, мы въ правѣ сказать, что эти шесть буквъ обозначаютъ 12 звуковъ. Въ практическомъ письмѣ едва ли можетъ встрѣтиться необходимость различать эти оттѣнки; въ фонетической транскрипціи, конечно, ихъ различаютъ тѣмъ или инымъ способомъ.

§ 3. Буква о въ значеніи а, буква е въ значеніи и. Въ нашемъ практическомъ письмѣ буква *о* передаетъ не только два трудно различимые оттѣнка звука *о*; она передаетъ постоянно и звукъ *а*, именно когда находится въ слогѣ непосредственно передъ ударяемымъ, иначе говоря: въ первомъ предударномъ слогѣ, напр. *водá, при хожú* произносимъ *вадá, при хажú*. Первоначально въ русскомъ языкѣ звукъ *о* произносился вездѣ, гдѣ пишется; но послѣдствіи оныя измѣнились, и въ этомъ положеніи—въ первомъ предударномъ слогѣ—перешелъ въ *а* въ такъ называемыхъ *акающихъ* говорахъ, къ числу которыхъ относится и московскій; въ такъ называемыхъ *окающихъ* оны сохранился, и тамъ произносятся, какъ пишется: *водá, морóзъ*.

Подобнымъ образомъ и по тѣмъ же историческимъ причинамъ буквы *е* или *ѣ* передаютъ звукъ *и* (или въ произношеніи нѣкоторыхъ, московичей же, очень близкій къ *и*) въ томъ же положеніи, т. е. въ первомъ предударномъ слогѣ: *перó, принеcú, сѣдóй, убѣдúть* произносятся *пирó, приниcú, сидóй, убидúть* (или *не"рó, прине"сú, се"дóй, убе"дúть*). О звуковыхъ значеніяхъ буквы *е* намъ придется еще неоднократно говорить ниже.

§ 4. Буквы ѣ, і, ѵ¹⁾. Если сравнить нашу таблицу съ такъ называемыми гласными буквами нашей азбуки, то въ таблицу не попали

¹⁾ Въ 1885 г. Гротъ писалъ, что *ижицу* можно считать исключенной изъ русской азбуки, однако въ 1901 и далѣе мы находимъ возможнымъ говорить опять о необходимости ее исключать (см. въ гл. X).

ѣ, і, ѵ, е, я, ю, потому что эти буквы не обозначаютъ какъхъ либо особыхъ звуковъ, которые не обозначались бы также и помѣщенными въ таблицу буквами.

Буква ѣ обозначала особый звукъ, отличавшійся отъ е въ древнѣ русскомъ языкѣ; этотъ звукъ въ исторіи нашего языка совпалъ съ е, буква же осталась—одинъ изъ очень многочисленныхъ случаевъ, когда правописаніе передаетъ не то, что есть, а что было въ языкѣ.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы теперь мы всюду писали тамъ, гдѣ онъ былъ въ старину: накопилось много ошибокъ, осмѣненныхъ долговременнымъ употребленіемъ и вошедшихъ въ привычку; отсюда много случаевъ, въ которыхъ мы пишемъ ѣ тамъ, гдѣ нужно бы по происхожденію писать е, и наоборотъ. Такъ, мы пишемъ ѣ, гдѣ нужно было бы е: вездѣ, гдѣ, здѣсь, змѣи, змѣи, индѣецъ, рѣдка, рѣшето, сѣдло, цвѣлъ, цвѣстъ (но цвѣтъ правильно); болѣ, менѣ, далѣ, долѣ; въ именахъ Сергѣй, Алексѣй и мн. др. (но Матвѣй и нѣк. др. правильно). Пишемъ е, гдѣ нужно было бы ѣ: блескъ, брѣжиться, ведро, вежа, водолей, вообще, давеча, деверь, дребезга, древле, древній, запретъ, клеветъ, клей, клеши, колебать, лекаръ (по Гроту лѣкаръ), мезга, мелкій (мель, мелочь), не въ негдѣ, некуда, некогда (и въ значеніи «когда-то» и въ значеніи «нѣтъ времени» писалось ѣ), некого, нечего, некому и т. под., ночлегъ, опека, песокъ, пестъ, плескъ, преніе, прилежный, семья, темя, трескъ и нѣк. др., въ окончаніи — ель: добродѣтель, кисель, колыбель, купель, обитель и др. (дѣйтель и т. п. правильно); въ глаголахъ съ длительнымъ значеніемъ, какъ изрекать, летать, метать, подстрекать, угнетать и др. (по происхожденію: мести, но мѣтати и т. п.); наконецъ, число этихъ случаевъ пополняется громаднымъ количествомъ заимствованныхъ церковнославянскихъ словъ съ производными безъ такъ называемаго полногласія: безбрежный (русское берегъ, ц.-сл. брѣгъ), влеку (русское волоку), вредъ (рус. передъ), время (рус. веремя, извѣстное изъ памятниковъ), древесный (рус. дерево, ц.-сл. дрѣво), жребій (рус. жеребей), млечный (напр., путь; рус. молочный, ц.-сл. млѣко; но правильно пишемъ ц.-сл. млѣнь при рус. полонъ), предъ (рус. передъ), приставка пре- (рус. пере-, сравн. ц.-сл. прѣвратити, рус. переверотитъ), прежде (сравн. рус. опережать), среда (рус. середь), чрезъ (рус. черезъ) и мн. др. Если бы подсчитать, то мы не чаще пишемъ ѣ правильно, чѣмъ неправильно по происхожденію.

Буквы і и ѵ всегда обозначали тотъ же самый звукъ, что и буква и; изъ этихъ трехъ буквъ двѣ всегда были лишнія въ русскомъ письмѣ; онѣ всѣ были взяты въ славянскую азбуку изъ гре-